

III. ИСТОЧНИКИ И ИСТОРИОГРАФИЯ

В. Н. Барышников

ИГОРЬ ПАВЛОВИЧ ШАСКОЛЬСКИЙ – СОЗДАТЕЛЬ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ШКОЛЫ ИСТОРИКОВ- СКАНДИНАВИСТОВ

Творчество доктора исторических наук Игоря Павловича Шаскольского весьма хорошо знакомо всем тем, кто в России занимается изучением истории скандинавских стран и Финляндии периода Средних веков и раннего Нового времени. О нем написан ряд кратких биографических очерков, в которых представлен жизненный путь и научное наследие этого достаточно известного и талантливого историка¹. Тем не менее, как представляется, уже пора также сказать еще о том, что именно Игорь Павлович Шаскольский, фактически, являлся своеобразным патриархом ленинградских историков-скандинавистов 1960–1980-х гг. Именно он непосредственно заложил основы современной петербургской школы историков, изучающих страны Северной Европы, возродив тем самым традиции исследования в Петербурге истории скандинавских стран и Финляндии.

Действительно, уже с конца XIX в. изучение истории стран Северной Европы традиционно было связано с научной деятельностью исследователей Санкт-Петербурга². В результате именно петербургская школа историков-скандинавистов оказалась той основой, при которой затем закладывалось научное осмысление в России истории стран Северной Европы³. Как метко заметил известный ученый - профессор А. С. Кан, главным образом, в Санкт-Петербурге «вплоть до Второй мировой войны сосредоточивались скандинавские студии»⁴. Тем не менее, говоря об этом, следует все же не забывать, что события, связанные с революцией 1917 г., а затем и гражданской войной, реально все же закончились тем, что уже в Ленинграде, как и во всей Советской России, в 1920–1930-е гг. работа по историческому исследованию стран Северной Европы подошла «к практическому исчезновению»⁵.

Лишь только ко второй половине 1930-х гг. XX в. вновь возникли условия, при которых в Ленинграде смог опять начать возрождаться интерес к истории соседних с СССР северных стран. Это во многом было вызвано восстановлением в 1934 г. в Ленинградском университете Исторического факультета. Однако к этому времени объективно уже произошла серьезная смена не только поколений исследователей, но и отношения к скандинавистике как науке. Теперь на первый план стали уже выходить работы, в которых, прежде всего, обращали внимание на социально-классовые и экономические сюжеты развития стран Северной Европы. Особенно это было заметно в исследованиях по публицистическому осмыслению истории, которой занялись после революции политические эмигранты из Финляндии, т.н. «красные финны», обосновавшиеся в Петрограде и советской Карелии. Их преимущественно интересовали проблемы революции, а вслед за ней предполагались еще исследования, касающиеся вопросов современной социально-классовой борьбы в Финляндии⁶. Научные же работы, которые готовились в Ленинграде, касались в основном самой ранней истории Северной Европы и языка народов этих стран.

Более того, крупных перспектив в научном развитии скандинавистики в Ленинграде явно уже не было. Здесь, тогда своеобразными волнами организовывались репрессии, которые нередко были направлены и против известных ученых-историков т.н. «старой» дореволюционной петербургской школы. Также карательные меры коснулись и представителей т.н. «красных финнов»⁷. Некоторые исследователи, которые еще в Петербургском университете начали свою деятельность как историки, изучающие скандинавские сюжеты, теперь прекратили свои научные изыскания по данному направлению и даже покинули бывшую столицу России⁸.

Тем не менее, для возрождения дальнейшего научного изучения в Ленинграде истории стран Северной Европы необходимые общие условия все же отчасти сохранились. Дело в том, что историческая научная литература, накопленная в предшествующую эпоху, в большинстве своем оказалась в полной сохранности и размещалась в богатейших собраниях библиотек города, которые явились тогда главными в СССР хранилищами «скандинавских и финских печатных первоисточников»⁹. Опираясь на эту фундаментальную исследовательскую базу, можно было продолжить научно-изыскательскую работу по изучению ранней истории стран Северной Европы.

Но объективно тогда было еще совсем мало исследователей, которые фактически продолжали свою творческую деятельность в данном

направлении. В 1920–1930-е гг. лишь историк Е. А. Рыздзевская, которая пыталась активно развивать научные знания в области археологии, касалась ранней истории взаимоотношений скандинавов с Древней Русью, затрагивая при этом проблемы преимущественно связанные с т.н. «норманнской теорией» возникновения Русского государства¹⁰.

Тем не менее, ко второй половине 1930-х гг., наконец, уже явно стала обозначаться возможность формирования нового поколения историков, которые занимались изучением стран Северной Европы. Именно на Историческом факультете ЛГУ возникли тогда для этого определенные условия, связанные с еще сохраняющейся там прежней школой исследователей. Несмотря ни на что, на истфаке еще продолжали свою работу весьма известные ученые. Так в 1935–1940 гг. учеником работавшего на факультете крупнейшего историка Нового времени академика Е. В. Тарле стал будущий известный скандинавист, который затем переехал в Москву, Г. А. Некрасов¹¹. Тогда же на истфаке с ним учились ученик академика Б. Д. Грекова, будущий известный историк Древнерусского государства, будущий член-корреспондент Академии наук СССР В. Т. Пашуто. Одновременно истфак закончил и в будущем крупнейший медиэвист, изучавший историю Италии, член-корреспондент В. И. Рутенберг.

Именно тогда, в 1936 г., на исторический факультет ЛГУ поступил и Игорь Павлович Шаскольский¹². В момент начала его учебы в университете, однако, там были все же не самые лучшие времена. На истфак принимали тогда в качестве студентов лишь молодых людей «по принципу подходящего классового происхождения»¹³. Более того, большинство поступавших «фактически начинали изучение истории с нуля, так как в школах преподавалось обществоведение и большинство из них не были хорошо знакомы даже с историей России»¹⁴. Показательным было и то, что на истфаке в это время практически не было учебной литературы, и «основным средством обучения» служили лекции самих преподавателей, работавших в то время в университете.

Тем не менее, в данном отношении И. П. Шаскольскому, вероятно, повезло больше. Во-первых, он получил среднее образование в известной в Ленинграде своим высоким уровнем преподавания гуманитарных знаний «немецкой школе» «Петришуле»¹⁵. Здесь до конца 1920-х гг. ряду предметов еще даже продолжали обучать на немецком языке. Кроме того, факультативно велись еще занятия по французскому и английскому языкам¹⁶. Как отмечали по этому поводу выпускники школы того времени, в ней смогли еще тогда «сохранить многое из старых традиций, тактично

сочетавшихся с новыми порядками, обязательными для советской школы», и это учебное заведение «отличалась разумным сочетанием некоторых школьных традиций Петришуле с новыми требованиями и идеологическими установками», которые господствовали тогда в СССР¹⁷. О высоком уровне гуманитарных знаний, которые тогда давала школа, свидетельствует также факт, что тогда же ее, как и Шаскольский, закончил будущий член-корреспондент Академии наук В. Т. Пашуто.

С другой стороны, в год поступления И. П. Шаскольского на Исторический факультет ЛГУ, в 1936 г., там ввели вступительные экзамены¹⁸. Что, очевидно, способствовало повышению образовательного уровня людей, которые тогда стремились к изучению истории. Причем, как вспоминает преподаватель того периода кафедры истории Нового времени Н. П. Полетика, «студенчество истфака отличалось от студенчества других вузов». Разъясняя свою мысль, он пишет: «На исторический и филологический факультеты шли не для того, чтобы сделать карьеру, а для того, чтобы получить образование»¹⁹.

Действительно, за годы учебы у Игоря Павловича явно уже сформировались его научные интересы, которые он затем пронес через всю свою жизнь. Его явно «захватило» изучение истории древней и средневековой Руси, а также ее взаимоотношений со Скандинавией. При этом, очевидно, что у Шаскольского существовали весьма благоприятные возможности, которые сейчас, например, уже в СПбГУ отсутствуют. Он избрал для своего обучения в университете сразу две кафедры: одну – русской истории, другую – археологии. На кафедре русской истории тогда работала целая плеяда крупнейших исследователей древности, начиная с академика Б. Д. Грекова и профессора В. В. Мавродина. Что же касается кафедры археологии, то она возникла на истфаке именно в момент поступления Игоря Павловича в университет. Причем ее популярность в то время была столь значительной, что уже спустя два года эта кафедра была преобразована в созданное на Историческом факультете Археологическое отделение²⁰.

Увлеченность древностью у него, очевидно, была вызвана, как указывал хорошо разбиравшийся в студенческой среде того времени Н. П. Полетика, тем, что тогда «советская интеллигенция воспринимала современность тридцатых годов сквозь призму истории, мыслила историческими сравнениями и сопоставлениями», и далее он добавил: «В тридцатые годы еще не перевелась интеллигенция, искавшая в прошлом корни настоящего, а в настоящем — зародыши будущего»²¹. В этом отношении большую роль, с точки зрения складывания научных представлений у

студентов-археологов, сыграла активная преподавательская деятельность на истфаке профессора, одного из создателей теоретических основ советской археологии 1930–1940-х гг. В. И. Равдоникаса. Будучи автором ряда фундаментальных трудов по истории северо-запада России в древности, включая изучение вопросов расселения прибалтийско-финских племён и становления там государственности, он не мог не завлечь студенческую молодежь кафедры этими проблемами. К тому же, с 1938 г. на истфаке начала функционировать масштабная Староладожская археологическая экспедиция, в которой студентам можно было активно участвовать в изучении древнейших памятников, связанных с историей скандинавско-русских отношений в древности²².

В целом, истоки российско-скандинавских связей, несомненно, уже со студенческой скамьи вызвали у И. П. Шаскольского интерес. При этом, само увлечение историей Севера, как считают его родственники, зародилось даже раньше его учебы в университете. Будучи еще школьником, в 1933 г. он побывал на Кольском полуострове, а точнее оказался на острове Кильдин в Баренцевом море. Как заметила на конференции, прошедшей в 2009 г. на Историческом факультете и посвященной памяти И. П. Шаскольского, его дочь, он «об этом... до конца жизни сохранил самые дорогие воспоминания» и далее уточнила: «Вероятно, именно тогда начался его интерес к Северу, к его людям, его истории»²³. Действительно, уникальная и загадочная природа этого острова не могла, вероятно, не возбудить в юноше интерес к истории Севера.

Тем не менее, студенческая и научная деятельность для Игоря Павловича на истфаке приобрела весьма плодотворный характер. Еще обучаясь на старших курсах университета, он подготовил ряд научных сочинений, которые затем были опубликованы. В 1940–1941 гг. его первые студенческие работы, которые современные финские историки даже признали «новаторскими» для исторической науки СССР²⁴, были посвящены противостоянию Швеции и Русского государства на Балтике и опубликованы в весьма престижных научных изданиях Советского Союза, в «Военно-историческом журнале», «Историческом журнале» и «Ученых записках ЛГУ»²⁵. Это был по тем временам очень крупный успех молодого исследователя.

Заметим, что в конце XX в., касаясь этих работ, известный финский историк профессор О. Юссила указал, что И. П. Шаскольский тогда явно стремился отойти от прежнего представления, сложившегося в СССР, о традиционной подчиненности населения Финляндии Российскому госу-

дарству. В своей работе «Русская Финляндия» он отмечает, что Шаскольский еще в начале 1940-х гг. ясно указывал на весьма поверхностную в XI–XIII вв. зависимость финского племени хмя (емь или тавасты) от Новгородского княжества и одновременно подчеркивал существовавшую в раннее средневековье полную самостоятельность от Древнерусского государства юго-западной Финляндии. О. Юссила подчеркивал, что в СССР «предыдущие исследователи не замечали этого, и это привело их к заблуждениям»²⁶.

Примечательно, что, учась еще на третьем курсе университета, И. П. Шаскольский подготовил уже свою первую небольшую по объему (47 стр.) отдельную работу – брошюру «Борьба русского народа за невиские берега»²⁷. Она была издана в 1940 г.²⁸. Данная работа, однако, была выполнена в явном публицистическом духе и, очевидно, представляла лишь исторический очерк, в котором, как не без ехидства заметил профессор О. Юссила, «была основная идея показать, как решалась проблема обеспечения безопасности Ленинграда в исторической интерпретации»²⁹. Действительно, столь ранняя плодовитость автора и возможность публикации его трудов во многом были обусловлены непростой ситуацией, которая тогда складывалась у Советского Союза на северо-западных рубежах. Этот внешний фон, конечно, должен был где-то позволить укрепить позиции молодого исследователя, как представителя нового поколения петербургско-ленинградской школы скандинавистов.

Тем не менее, блестящей научной перспективе, которая, возможно, могла быть уготовлена молодому исследователю, окончившему университет в 1941 г. с отличием³⁰, в реальности не суждено было быстро сбыться. Началась Великая Отечественная война, которая, естественно, помешала продолжению научной деятельности молодого выпускника истфака. Непризванный в армию по состоянию здоровья, он смог лишь отчасти продолжать свое творчество и ограничивался тогда сугубо публицистической деятельностью по написанию работ на исторические сюжеты³¹. Тем не менее, заложенные на истфаке навыки научной работы Игорь Павлович сохранил, что выразилось в том, что уже в 1944 г. он поступил в ЛГУ в аспирантуру³² и в 29 лет, в 1947 г., защитил кандидатскую диссертацию. Его научное исследование непосредственно касалось ранней истории Скандинавии – «Борьба Новгорода со Швецией и Норвегией до 60-х гг. XIII века». Далее же, продолжая дело петербургского ученого Г. В. Форстена, он явно начал уделять наибольшее внимание т.н. «балтийскому вопросу», что выразилось в том, что уже в 47 лет, в 1965 г.,

И. П. Шаскольский защитил докторскую диссертацию – «Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством в первой половине XVII в.».

И хотя сфера интересов И. П. Шаскольского находилась в плоскости исследования проблем, связанных с ранней историей, определенное количество его работ все же затрагивало вопросы русско-шведских отношений XVII–XVIII вв., где также просматривалась финская история³³. Тем не менее, как заметил известный отечественный историк-скандинавист, профессор В. Е. Возгрин, «работы И. П. Шаскольского создали ему широкую известность в научных кругах СССР и за рубежом»³⁴. Действительно, в начале 1970-х гг. И. П. Шаскольский был уже избран членом-корреспондентом туркусского исторического общества³⁵. Более того, об исследователях, которые занимались изучением истории стран Северной Европы, начали узнавать и в соседних странах. Это было вызвано не только тем, что к этому времени у И. П. Шаскольского уже вышел в СССР ряд серьезных монографических произведений. Шаскольский стал уже печататься за рубежом. Так в 1969 г. в основном финском историческом журнале «Хисториалинен Айкакаускирья» им была опубликована статья об изучении истории Финляндии в Ленинграде³⁶. В этой статье Шаскольский особо обратил внимание на то, что именно в Петербурге раньше всего «были созданы очень выгодные условия по изучению истории и культуры Финляндии»³⁷. Ленинградский ученый также подчеркнул, что еще «во второй половине 1800-х гг. и начале 1900-х гг. почти все исследования истории российско-финских отношений были написаны и изданы в Санкт-Петербурге»³⁸. Тем самым он постарался уже в конце 1960-х гг. сделать серьезную заявку на возможность восстановления в Ленинграде петербургской школы историков-скандинавистов.

В этом отношении именно И. П. Шаскольский сам и его научная деятельность в Ленинграде стали той опорой, при которой возникли реальные условия возрождения скандинавистики в прежней столице России. Еще в 1959-м году в двенадцатом номере авторитетного журнала «Вопросы истории» он прямо указал на проблемы, которые тогда существовали в развитии скандинавистики как науки. Он подчеркнул: «В советской исторической науке до последнего времени уделялось очень мало внимания изучению истории скандинавских стран. У нас нет еще ни одного обобщающего труда на эту тему, большая часть проблем скандинавской истории (в том числе и многие коренные вопросы) не освещалась...». Далее И. П. Шаскольский пояснил свою мысль. Он отметил: «Был сделан

некоторый вклад лишь в изучение отношений Швеции и Норвегии с Россией (и то главным образом для периода до середины XVIII в). Внутренней же историей скандинавских государств наши исследователи почти не занимались»³⁹.

Иными словами тогда изучение истории скандинавских стран и Финляндии явно находилось в зачаточном состоянии. Но процесс ее становления в СССР в это время уже явно «пошел». Как чуть позже в 1964 г. заметил сам И. П. Шаскольский, «советская скандинавистика — молодая отрасль науки; она начала развиваться только в послевоенные годы» и далее вполне резонно подчеркнул, что это происходит лишь благодаря усилиям «отдельных ученых, работавших долгое время изолированно друг от друга»⁴⁰. Действительно, во всех крупных начинаниях необходим свой лидер. Этим лидером для ленинградских историков-скандинавистов стал именно И. П. Шаскольский.

За годы своей активной научной деятельности, он превратился в главного в Ленинграде специалиста по изучению средневековой истории и истории раннего Нового времени стран Северной Европы. Им было опубликовано семь монографий отражающих средневековую историю и экономические отношения Руси, Прибалтики и скандинавских стран⁴¹. Но, что является самым главным, именно вокруг него стала формироваться в 1960–1970-е гг. научная школа ленинградских скандинавистов. Ее профильностью стали прежде всего сюжеты, связанные с взаимоотношением России со странами Северной Европы⁴². Неслучайно, уже после смерти И. П. Шаскольского, его коллега по скандинавистике из Москвы профессор А. С. Кан характеризовал его не иначе, как бесспорного главы «ленинградских историков-скандинавистов»⁴³.

Тем не менее, хотя И. П. Шаскольский и читал лекции на Историческом и Филологическом факультетах ЛГУ, главный центр изучения истории стран Северной Европы в то время сместился на базу Ленинградского отделения Института истории (ЛОИИ) АН СССР. Там Игорь Павлович непосредственно начал работать с 1956 г. Именно там объединялись исследователи, занимающиеся изучением истории стран Северной Европы. Но что было самое главное, в результате его научной и организаторской деятельности, стали уже возвращаться утраченные ранее позиции Ленинграда, как одного из основных центров российской скандинавистики, а начатое им дело уже начали поддерживать его ученики, будущие известные историки-скандинависты, такие как профессора В. Е. Возгрин,

П. А. Кротов, доктор исторических наук Ю. Н. Беспятых, кандидаты исторических наук Т. А. Шрадер, Г. М. Коваленко и др.

Более того, именно ленинградские скандинависты стали играть важную роль в формировании новых центров по исследованию истории стран Северной Европы в других регионах Советского Союза. Так еще после окончания Великой Отечественной войны И. П. Шаскольский временно с 1949 по 1953 гг. работал в Петрозаводске. Собственно это, как представляется, во многом как раз и способствовало становлению в Карелии научной школы по изучению истории Финляндии. Многие будущие ведущие петрозаводские специалисты, скажем, по финской истории, такие как, например, профессора И. И. Кяйвярйнен, М. Н. Власова и др. свои диссертационные работы защищали в Ленинграде⁴⁴. Здесь же они осуществляли и свою научно-исследовательскую работу, изучая соответствующие фонды ленинградских архивов⁴⁵. Следует добавить, что и переезд из Ленинграда в Москву в 1946 г. Г. А. Некрасова⁴⁶, несомненно, тоже сыграл важную роль в складывании научного центра по изучению скандинавских стран и Финляндии непосредственно в столице СССР. Ученик Шаскольского Г. М. Коваленко затем также продолжил свою научную деятельность в филиале Санкт-Петербургского института истории Российской академии в Великом Новгороде.

Таким образом, историки Ленинграда сыграли важную роль в становлении и организации советской скандинавистики в целом, а Москва и Петрозаводск, наряду с Ленинградом, превратились в важные центры по изучению истории стран Северной Европы⁴⁷. В результате, ленинградские скандинависты, группирующиеся, прежде всего, вокруг И. П. Шаскольского, активно поддерживали начавшееся в конце 1950-х–1960-е гг. укрепление в целом российской школы по изучению истории стран Северной Европы, явились одним из главных стержней в развитии отечественного научного изучения истории Скандинавии и Финляндии. Неслучайно поэтому Шаскольский, его ученики и сторонники оказались наиболее активными организаторами и участниками первых регулярных всесоюзных научных конференций по изучению вопросов экономики, истории, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии⁴⁸. И. П. Шаскольский же стал также неизменным участником традиционных двухсторонних советско-финляндских, советско-шведских научных конференций и симпозиумов, посвященных истории, археологии и экономике северных стран⁴⁹. К тому же явно расширялся круг тех, кто непосредственно занимался историей стран Северной Европы в Ленинграде.

Уже в 1960-е гг. проблемами, связанными с революционной и социально-экономической историей Финляндии, в частности, стали активно заниматься и публиковать первые свои работы такие известные ленинградские исследователи, как д.э.н. И. М. Бобович и д.и.н. М. М. Коронен⁵⁰.

В целом к началу 1980-х гг. центр по изучению скандинавских стран и Финляндии в Ленинграде полностью сложился, и теперь предстояло активно продолжить то дело, которое в свое время начал Игорь Павлович Шаскольский.

¹*Беспярых Ю. Н.* Шаскольский Игорь Павлович // Морской энциклопедический словарь. Т. 3. М., 1994. С. 395; *Доценко В. Д.* Шаскольский Игорь Павлович // Морской биографический словарь. СПб, 1995. С. 441; *Возгрин В. Е.* Предисловие // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). СПб, 2009. С. 5–7; Памяти Игоря Павловича Шаскольского (1918-1995) (К 90-летию со дня рождения) // Скандинавские чтения 2008 года. СПб, 2010.

²*Pochljobkin W. W.* The Development of Scandinavian Studies in Russia up to 1917 // *Scandinavica*, I. Cambridge, 1962. P. 89–114; *Pochljobkin W. W.* The Development of Scandinavian Studies in the USSR (1917–1965) // *Scandinavica*, Vol. 5. N 1. Cambridge, 1966. P. 14–40.

³*Михайловский-Данилевский.* Описание Финляндской войны на сухом пути и на море в 1808 и 1809 гг. СПб, 1841; *Сухтелен П. К.* Картина военных действий в Финляндии в последнюю войну России со Швецией в 1808 и 1809 гг. СПб, 1832; *Ниве П. А.* Русско-шведская война 1808-1809 гг. СПб, 1910; *Мышлаевский А. З.* Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 годах. СПб, 1896; *Злобин К. К.* Дипломатические сношения между Россией и Швецией в первые годы царствования императора Александра I до присоединения Финляндии к России. СПб, 1868; *Форстен Г. В.* Акты и письма к истории балтийского вопроса. СПб, 1889–1893; *Форстен Г. В.* Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648). Т. 1, 2. СПб, 1893–1894; *Полиевктов М. А.* Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.). СПб, 1907; *Майков Л. Н.* О древней культуре западных финнов по данным их языка. По соч. д-ра Августа Алквиста: Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Ein Beitrag zu der alteren Kulturgeschichte der Finnen. (Культурные слова в западно-финских языках. Вклад в историю древней финской культуры). СПб, 1877; Финны, эсты, карелы и ливы. СПб, 1878; *Головинский М. В., Ядрьшев Н. К.* История финского народа. СПб, 1901; *Лялина М. А.* Очерки истории Финляндии от древнейших времен до начала XX столетия. СПб, 1908; *Тризна Д. С.* Финляндия за 100 лет в составе России (1809—1909). СПб, 1911; *Ордин К.* Покорение Финляндии. Опыт описания по неизданным источникам. Т. I–II. СПб, 1889; *Ордин К.* Собрание сочинений по финляндскому вопросу. Т. 1–3. СПб, 1908–1909; *Бородин М. М.*

История Финляндии. Время Петра Великого. СПб, 1910; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Елизаветы Петровны. СПб, 1910; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I. СПб., 1912; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Императора Александра I. СПб, 1909; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время императора Николая I. Пг., 1915; *Бородкин М. М.* История Финляндии. Время Императора Александра II. СПб, 1908; *Бородкин М. М.* Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобрíkова. СПб, 1905 и др.

⁴*Кан А. С.* Историк Г. Форстен и наука его времени. М., 1979. С. 4.

⁵*Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги... С. 6.

⁶См.: Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги. С. 6: *Kruhse P., Uitto A.* **Suomea rajan takana 1918-1944. Suomenkielisen neuvostokirjallisuuden historia ja bibliografia.** Jyväskylä, 2008.

⁷*Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги... С. 7.

⁸Так, закончивший в 1894 г. университет М. А. Полиевктов, который затем в 1907 г. издал монографию – «Балтийский вопрос в русской политике после Ништадтского мира (1721–1725 гг.)» (СПб, 1907), и ставший затем профессором Петербургского университета после революции покинул Петроград и далее, работая уже в Тбилиском университете, полностью посвятил свою дальнейшую научную деятельность изучению российско-грузинских взаимоотношений.

⁹*Кан А. С.* Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги... С. 7.

¹⁰См.: *Рыдзевская Е.* Древняя Русь и Скандинавия. М., 1978 (посмертное издание); *Šaskolski I. P.* Suomen historian tutkimus Leningradissa. // *Historiallinen Aikakauskirja.* 1969. № 2. S. 115; *Ахоин Г. И.* Вклад Е. А. Рыдзевской в советскую скандинавистику // Скандинавский сборник. Т. XV. Таллинн, 1970. С. 177–186.

¹¹См.: Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 5. М., 2005. С. 319.

¹²*Возгрин В. Е.* Предисловие... С. 5.

¹³Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1939–2004: Очерк истории. СПб, 2004. С. 15.

¹⁴Там же. С. 15.

¹⁵*Возгрин В. Е.* Предисловие... С. 5.

¹⁶*Летанина Е. Ю.* Петришуле – старейшая школа Петербурга // История Петербурга. 2010. № 2 (54). С. 8; *Ульянов Н. П.* Судьбы учителей Петришуле (20–30 годы XX-го века) // История Петербурга. 2010. № 2 (54). С. 29.

¹⁷Там же. С. 29–30.

¹⁸Исторический факультет Санкт-Петербургского университета. 1939–2004... С. 15.

¹⁹*Поветика Н.* Воспоминания. М., (подпольная перепечатка эмигрантского издания), ок.1978 – Режим доступа: http://thelib.ru/books/poletika_nikolay/vospominaniya-read-28.html. Дата посещения 10.06.2012.

²⁰Исторический факультет Санкт-Петербургского университета... С. 283.

²¹*Поветика Н.* Воспоминания.

²²Исторический факультет Санкт-Петербургского университета... С. 284–285.

²³Шаскольская Т. И. Первое знакомство И.П. Шаскольского с Севером // Проблемы истории России и стран Северной Европы: от средних веков до наших дней (к 90-летию со дня рождения И. П. Шаскольского). С. 355.

²⁴См. Jussila O. Venäläinen Suomi. Porvoo-Hels.,-Juva, 1983. S. 83.

²⁵Шаскольский И. П. 1) Борьба Новгорода со Швецией перед Невской битвой // Военно-исторический журнал. 1940. № 7; 2) Борьба шведских крестоносцев против Финляндии XIII–XVI века // Исторический журнал. 1940. № 4–5; 3) Емь и Новгород в XI–XIII веках // Ученые записки ЛГУ. 1941. № 80. Сер. ист. нак. Вып. 10.

²⁶Jussila O. Venäläinen Suomi... S. 39.

²⁷Памяти Игоря Павловича Шаскольского (1918–1995) (К 90-летию со дня рождения)... С. 6.

²⁸Шаскольский И. П. Борьба русского народа за невские берега. М., 1940.

²⁹Jussila O. Venäläinen Suomi... S. 30.

³⁰Памяти Игоря Павловича Шаскольского (1918–1995) (К 90-летию со дня рождения)... С. 7.

³¹См.: Шаскольский И. П. 1) Ледовое побоище // На страже Родины. 1941, 30 июня; 2) Александр Невский // Рыбинская правда. 1942, 25 сент. и др.

³²Памяти Игоря Павловича Шаскольского (1918–1995) (К 90-летию со дня рождения)... С. 6.

³³Полный перечень работ И. П. Шаскольского см.: Шаскольский И. П. Экономические отношения России и шведского государства в XVII в. СПб, 1998. С. 296–316.

³⁴Возгрин В. Е. Предисловие... С. 7.

³⁵См.: Historiallinen Aikakauskirja. 1974. № 1. S. 38.

³⁶Šaskolski I. P. Suomen historian tutkimus Leningradissa... S. 114–121.

³⁷Ibid. S. 114.

³⁸Ibidem.

³⁹Шаскольский И. П. Рецензия на Скандинавский сборник, вып. 1–4 // Вопросы истории. 1959. № 12 – Режим доступа: <http://norse.ulver.com/articles/reviews/scand1-4.html>. Дата посещения: 23.06.2012.

⁴⁰Шаскольский И. П. Рецензия на Скандинавский сборник, вып. 5–7 // Вопросы истории. 1964. № 11 – Режим доступа: <http://norse.ulver.com/articles/reviews/scand5-7.html>. Дата посещения: 23.06.2012.

⁴¹Шаскольский И. П. 1) Шведская интервенция в Карелии в начале XVII века. Петрозаводск, 1950; 2) Столбовский мир 1617 г. и торговые отношения России со Шведским государством. М.-Л., 1964; 3) Норманская теория в современной буржуазной науке. М.-Л., 1965; 4) Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики XII–XIII в. Л., 1978; 5) Борьба Руси против шведской экспансии в Карелии. Конец XIII – начало XIV в. Петрозаводск, 1987; 6) Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л., 1987; Русская морская торговля на Балтике в XVII в. (Торговля со Швецией). СПб, 1994.

⁴²См.: Исторические связи Скандинавии и России: IX–XX вв. Л., 1970; Возгрин В. Е. Россия и европейские страны в годы Северной войны. Л., 1986; Кротов П. А. Гангутская баталия 1714 года. СПб, 1996 и др.

⁴³Кан А. С. Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги... С. 9.

⁴⁴*Saskolski I. P.* Suomen historian tutkimus Leningradissa... S. 121.

⁴⁵*Сукийянен И. И.* Работы карельских исследователей по вопросам истории Финляндии... С. 401, 402, 404

⁴⁶Северная Европа. Проблемы истории. Вып. 5. С. 319.

⁴⁷*Некрасов Г. А.* Проблематика и организация скандинавских исторических исследований в СССР... С. 14.

⁴⁸Там же. С. 13–14.

⁴⁹См.: *Власова М. Н.* О сотрудничестве советских и финляндских историков (1960–1980-е годы). С. 170–177; *Власова М. Н. Суни Л. В.* Советско-финляндский симпозиум историков в Тампере // Скандинавский сборник. Т. XXII. Таллинн, 1977. С. 302–306; *Вихавайнен Т.* Сотрудничество финских и российских историков до и после Второй мировой войны. Проблемы и направления. С. 350–355; *Вихавайнен Т.* Предисловие к русскому изданию // Россия и Финляндия: проблемы взаимовосприимчивости XVII–XX вв. М., 2006. Последний сборник материалов российско-финляндских конференций вышел в 2010 г. (Россия и Финляндия в 1808–1809 гг. СПб, 2010); *Возгрин В. Е.* Публикация материалов II советско-финляндского симпозиума по социально-экономической истории // Скандинавский сборник. Т. XXII. Таллинн, 1977. С. 249–252; *Возгрин В. Е.* VI советско-финляндский симпозиум. 1979 // Скандинавский сборник. Т. XXIV. Таллинн, 1979. С. 209–212; *Некрасов Г. А., Чернышова Р. В.* Проблемы истории Швеции III советско-шведском симпозиуме в г. Лунде // Скандинавский сборник. Т. XXVI. Таллинн, 1981. С. 264–267; *Пийримяэ Х. А.* Второй советско-шведский симпозиум историков // Скандинавский сборник. Т. XXIV. Таллинн, 1979. С. 213–217; *Пийримяэ Х. А.* IV симпозиум историков СССР и Швеции в Новгороде // Скандинавский сборник. Т. XXVIII. Таллинн, 1983. С. 204–206; *Пийримяэ Х. А., Тейсте У. В.* Пятый советско-финляндский симпозиум по сравнительной социально-экономической истории // Скандинавский сборник. Т. XXIV. Таллинн, 1979. С. 219–224; *Пуллат Р. Н., Кахк Ю. Ю.* Советско-финляндский семинар в Таллине // Скандинавский сборник. Т. XXI. Таллинн, 1976. С. 299–301 и др.

⁵⁰*Бобович И. М.* Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л., 1968; *Коронен М. М.* Советско-финляндские отношения – пример мирного сосуществования. Л., 1960; *Коронен М. М.* Финские интернационалисты в борьбе за власть Советов. Л., 1969; *Коронен М. М. В. И. Ленин и Финляндия.* Л., 1983; *Коронен М. М. В. И. Ленин и финляндский путь «Искры».* Л., 1981.